

Осьминоги, как известно, существа яйцекладущие. А значит, под сердцем Ван Цзиншань носил не обычного младенца, а самую настоящую кладку — яйца осьминога.

— Дорогая, ты рожает! — радостно воскликнул Носк.

Исправлять это дурацкое обращение у Цзиншаня уже не было сил. Шагнув за порог подпольной клиники, он почувствовал, как колени у него мелко дрожат.

«Как? Уже? Так быстро?»

Ван Цзиншань панически соображал, что совершенно не готов примерить на себя роль отца.

Заказанные в интернет-магазине горы пособий по уходу за младенцами еще даже не доставили. Впрочем, они бы вряд ли емугодились. Как авторитетно заявил доктор Джек, на свет должно было появиться нечто, бесконечно далекое от человеческого дитя.

— Цзиншань, ты не рад? — Носк замер на месте.

Он всегда поразительно чутко улавливал малейшие колебания чужого настроения.

— Если ты не хочешь, мы можем прекратить в любой момент, — Носк указал на круглосуточный минимаркет у обочины. — Достаточно просто съесть немного соли, и никаких родов не будет.

— Вовсе нет, — поспешно покачал головой Ван Цзиншань.

Концентрированная соль мгновенно убьет зародышей. Причем, если яйца погибнут в организме Цзиншаня, он сам этого даже не заметит. К такому выводу пришел доктор Джек, перерыв горы научной литературы и проведя десятки тестов. Тело Ван Цзиншаня просто-напросто переварило бы кладку без какого-либо вреда для здоровья.

Именно поэтому последние месяцы он маниакально следил за своим рационом. Никакого масла, минимум приправ и — упаси боже — ни единой крупы соли. Он безумно боялся навредить малышам.

— Я хочу их родить, — твердо повторил он.

Каким бы сообразительным ни был Носк, он еще не эволюционировал до понимания тонкостей человеческой предродовой тревоги. Он озадаченно склонил голову набок, истолковав сомнения партнера по-своему.

— Тебе человеческие детеныши нравятся больше, чем маленькие осьминоги? — робко спросил он.

— Да нет же, — рассмеялся Цзиншань. — Маленькие осьминожки мне куда милее. Если бы я забеременел человеческим ребенком, точно побежал бы на аборт.

Дети людей слишком шумные. А если родить сразу десяток? Да он с ума сойдет от криков. То ли дело крошечные, милые осьминоги — да хоть целую кучу, он только рад будет.

Ван Цзиншань опустил взгляд на брелок на телефоне — сувенир, который он когда-то забрал с Острова Осьминогов. Судьба порой выкидывает удивительные коленя. Последнее время он ловил себя на мысли:

«Неужели мои осьминожки будут такими же очаровательными?»

— О-о, — глуповато кивнул Носк.

Как раз мимо проезжало такси. Носк стремительно вскинул руку, пытаясь остановить машину. Но водитель то ли не заметил их в тумане, то ли проигнорировал.

Камер наблюдения в этой глуши не водилось. Улицу окутывал плотный ночной туман, тусклые фонари мигали на честном слове, и никто не заметил, как из-под крышки канализационного люка бесшумно выскользнуло багровое, жутковатое щупальце и намертво заблокировало колесо машины.

С визгом тормозов такси замерло как вкопанное.

Носк галантно распахнул дверцу, пропуская Ван Цзиншаня вперед.

Сев в салон, тот со вздохом обернулся:

— Мог бы обойтись без этого.

В силу характера он никак не мог привыкнуть к столь навязчивой заботе.

Носк пожал плечами с самым невинным видом:

— Беременные — в первую очередь.

— Да замолчи ты... — шепнул Цзиншань. Заметив, что водитель посматривает на них в зеркало заднего вида, он ощутимо ущипнул Носка за бок, призывая к тишине.

У каждого существа есть свои слабые места. Осьминоги — не исключение. Для Носка самым чувствительным местом, помимо присосок на щупальцах, был мягкий бок у талии. Стоило Цзиншаню коснуться его там, как монстр мгновенно терял волю.

И действительно, тот сразу притих. Сел прямо, сложив руки на коленях, точь-в-точь послушный детсадовец.

Но Ван Цзиншань почувствовал, что под пальцами осталось странное ощущение. Раньше талия Носка была тонкой и гибкой, а сейчас... какая-то твердая, бугристая?

Он запустил руку глубже под одежду и наткнулся на круглый стеклянный сосуд.

Попытавшись вытащить находку, он встретил сопротивление: Носк упрямо прижал локоть к боку и жалобно, умоляюще уставился на него. Обычно под таким взглядом человеческое сердце плавилось, но не в этот раз.

— Нет, отдай, — строго проговорил Цзиншань. — Нельзя брать чужие вещи без спроса.

Он редко читал ему нотации.

Носк понурился и покорно позволил извлечь свое сокровище — банку с формалином, в которой плавал мозг какого-то неизвестного существа.

— Эх... — вздохнул Ван Цзиншань, даже не зная, как реагировать.

Большой осьминог по природе своей обожает коллекционировать склянки. Ну прихватил он стеклянную банку из человеческого мира, разве это преступление? Для него в бездне океана все вокруг было собственностью. В Акосе он полноправный владыка.

Поразмыслив, Цзиншань вернул банку обратно.

— Больше так не делай. Если тебе что-то нужно, просто скажи, я куплю. В супермаркетах полно точно таких же банок, только новых. Тебе ведь наверняка не нравится запах формалина и этих мозгов?

— Больше не буду! Ура! Спасибо, Цзиншань! — Глаза Носка вспыхнули восторгом, он мертвой хваткой вцепился в любимую банку.

Ван Цзиншань невольно улыбнулся и ласково взъерошил его мягкие темные волосы.

— Ну и чудо же ты.

Не успел он договорить, как впереди вспыхнул красный свет. Водитель резко ударил по тормозам.

Оба пассажира по инерции подались вперед, едва не вписавшись лбами в передние сиденья.

— Кх... о-ох... — Цзиншаня внезапно скрутил жестокий спазм тошноты. Он мгновенно побледнел.

— Что с тобой? — Носк испуганно подхватил его под руки.

— Ничего, просто мутит, — отмахнулся он, пытаясь выпрямиться.

Убедившись, что Цзиншань в порядке, Носк медленно опустил багровые щупальца, скрывая их под одеждой. В его алых глазах, устремленных на затылок водителя, на секунду вспыхнула чистая, леденящая жажда крови.

— Уважаемый, вы вообще машину водить умеете? — вкрадчиво поинтересовался он холодным, шипящим голосом.

Таксист, решив, что симпатичный парень просто заигрывает, охотно отозвался:

— Да я за рулем больше десяти лет! Каждую улицу в столице наизусть знаю, меня ночью разбуди...

— Кх... нет, сейчас вырвет... — простонал Цзиншань. — Тормози! Быстрее!

Испуганный водитель снова нажал на тормоз, прижимаясь к обочине.

Носк пулей выскочил из машины, помогая Цзиншаню выбраться наружу. Тот упал на колени прямо на газон и зашелся в мучительных спазмах. Казалось, его сейчас вывернет наизнанку, но желудок оставался пустым.

— Может, в больницу? — Носк метался вокруг него, не зная, за что ухватиться.

— Ох... — Цзиншаня снова скрутило, но на этот раз к горлу подступило что-то теплое, склизкое и объемистое.

Откашлявшись, он утер губы и опустил взгляд. На траве лежала крупная белая масса. Похожие на продолговатые воздушные шарики, яйца были плотно скреплены между собой, напоминая гроздь сверкающего белого винограда.

Как заядлый любитель морепродуктов, Ван Цзиншань прекрасно знал, как выглядит икра осьминога. Эта гроздь была точной ее копией.

Он ошарашенно уставился на кладку. Весь процесс прошел абсолютно безболезненно.

«Это что... я родил?!»

Внезапно осознав, что потомство осьминога не может долго находиться без воды, он отбросил ступор и крикнул Носку:

— Быстрее! Освободи свою банку, прополощи ее и налей туда соленой воды!

— Сейчас, сейчас! — Носк заметался, подлетел к ближайшей урне и безжалостно вытряхнул туда мозг вместе с формалином. В мгновение ока добежал до уличного крана, ополоснул стекло, ворвался в круглосуточный магазин за соленой минералкой и выскочил обратно.

Он попытался аккуратно подцепить склизкую гроздь, чтобы уложить ее в банку, но с не привычки едва не раздавил одно из яиц.

— Осторожней! — испуганно прикрикнул Ван Цзиншань, отпихивая его руки. Он сам бережно подхватил будущих малышей, боясь, что Носк повредит их своей неуклюжестью.

— Прости, — виновато пробормотал новоиспеченный отец, почесывая затылок.

— Ладно, поехали скорее домой, — Ван Цзиншань отер холодный пот со лба и, бережно прижимая банку к груди, направился обратно к такси.

Водитель такси сидел с открытым ртом. Рассматривая загадочный «белый виноград» в стеклянном сосуде, он почувствовал, как от него исходит какое-то гипнотическое, пугающее притяжение.

— Молодой человек, а это что у вас? — не удержался он от вопроса.

— Да так, ничего, — буркнул Цзиншань, пряча банку под куртку, словно величайшую драгоценность, и задвинул за собой дверь такси.

Кто же знал, что обещанные доктором Джеком скорые роды произойдут прямо посреди ночной улицы? Теперь его главной задачей было уберечь малышей от лишних глаз.

Носк запрыгнул следом. Перед тем как закрыть дверь, он с гордостью заявил водителю:

— Это плод нашей неземной любви!

Таксист: «???»

Ван Цзиншань: «...»

— Я стану папой, — замороженно шептал Носк.

В его популяции самцы никогда не видели своего потомства: обычно они гибли задолго до того, как яйца успевали созреть.

А теперь... Он скосил глаза на банку с будущими осьминожками, и на его красивом лице расплылась глупая, счастливая улыбка.

Всю дорогу до дома Ван Цзиншань лихорадочно листал страницы в интернете, пытаясь выяснить, как правильно ухаживать за новорожденными осьминогами. Он безумно боялся сделать что-то не так и погубить кладку.

Хотя родами это назвать было трудно — так, стошнило один раз. Настоящие безболезненные роды.

И действительно, избавившись от кладки, Цзиншань почувствовал небывалую легкость. Живот тут же спал, снова обнажив рельефные кубики пресса, а тело наполнилось бодростью.

Расплатившись за проезд, Цзиншань за руку потащил Носка к подъезду.

Дома они водрузили прозрачную банку на стол и замерли над ней, разглядывая сокровище с благоговейным трепетом.

— Как думаешь, когда они вылупятся? — тихо спросил Цзиншань.

Носк неуверенно почесал подбородок:

— Наверное, через месяц или два?

— Так, надо поспешить. Малышам нужен кислород, в герметичной банке они задохнутся. — Цзиншань заметался по квартире в поисках подходящей емкости. На полках пылилась куча посуды — все это были трофеи Носка.

Ваза? Слишком узкое горлышко, за ними неудобно будет наблюдать. Стаканы, миски, кастрюли... Наконец его взгляд упал на стеклянный аквариум в форме сердца.

Идеально.

Бережно перелив туда воду вместе с кладкой, он убедился, что места им более чем достаточно.

— Один, два, три, четыре... — Носк сосредоточенно шевелил губами, пересчитывая яйца. — Ровно двенадцать! Дорогая, ты потрясающая!

— Да ну? — Цзиншань пересчитал сам. И впрямь двенадцать.

На УЗИ у Джека было видно только одиннадцать. Впрочем, приборы людей вряд ли способны безошибочно сканировать чужеродную физиологию.

— Двенадцать — отличное число, — улыбнулся он. — Ровное.

Вот они и стали родителями. Пусть пока еще не вылупившихся, но уже таких любимых крох.

Мужчина и монстр переглянулись и одновременно улыбнулись. Оказывается, ожидание новой жизни приносило столько чистой, детской радости.

— Ложись-ка спать, Носк, — Цзиншань переставил аквариум ближе к изголовью кровати и, помогая партнеру натянуть пижаму, добавил: — Завтра нужно пораньше съездить на птичий рынок.

Ван Цзиншань вычитал в сети, что инкубация яиц длится от пятидесяти до ста пятидесяти дней. Воду требовалось менять ежедневно, строго следя за уровнем кислорода и чистотой. Поэтому ни свет ни заря они отправились на центральный рынок, набрали кормов, фильтров, аэраторов и кучу сопутствующих приборов.

Уладив дела, Цзиншань повел Носка гулять.

Тот сиял от счастья. Радость огромного осьминога всегда была слишком очевидной, чтобы ее скрыть. Хоть он и примерил на себя роль отца, в душе он все еще оставался сущим ребенком.

Ван Цзиншань, лишенный нормального детства, хотел компенсировать это Носку. Окружить его теплом, избавить от забот, подарить абсолютную свободу и радость.

Когда Носк заикнулся о голоде, Цзиншань сразу повел его в один известный ресторан.

— Здесь отлично готовят морепродукты, — он отодвинул стул для партнера и попросил официанта принести стакан подсоленной воды.

Носка мучила жажда, так что он осушил бокал в один глоток.

— Принесите еще один, пожалуйста, — попросил Цзиншань, возвращая посуду. — Выбирай, чего бы тебе хотелось. — Он пододвинул к нему меню.

Носк уже немного читал по-человечески. Он поводил пальцем по строчкам и тихо произнес:

— Хочу крабов. И сардин.

Зная его вкусы, Цзиншань подозвал официанта:

— Крабов и сардин. По тридцать порций каждого блюда, будьте добры.

Официант ошарашенно захлопал глазами:

— Простите... Вы не шутите?

— Абсолютно серьезно.

В этом заведении порции были крошечными, так что для Носка это было лишь легкой закуской. В человеческом обличье он не нуждался в тоннах еды, но Цзиншань все равно старался лишний раз не водить его по ресторанам. Если эта бездонная бочка съест слишком много на глазах у зевак, на следующий день его фото украсит первые полосы столичных газет.

Блюда подавали одно за другим. Соблазнительный аромат морепродуктов заставил монстра оживиться. Он бесцеремонно схватил краба и с громким хрустом принялся разжевывать его прямо вместе с панцирем.

Цзиншань, собиравшийся разрезать свой стейк, замер. Нож с вилкой со звоном выпали из его рук.

— Носк... панцирь ведь есть нельзя.

— Почему? Очень вкусно, — Носк зачерпнул ложкой немного черной икры, вывалил ее поверх краба и продолжил увлеченно хрустеть. Его зубы работали словно стальные шестерни, перемалывая все подряд. В какой-то момент железная ложка хрустнула и развалилась

пополам. — Хочешь попробовать? — он протянул Цзиншаню кусок клешни.

— Спасибо, я как-нибудь обойдусь, — Цзиншань осторожно вернул угощение на тарелку.

Он быстро огляделся по сторонам и, убедившись, что никто не заметил инцидента с ложкой, поспешно спрятал обломки.

Покончив с обедом, они отправились развлекаться: резались в автоматы, катались на каруселях и гоняли на картах.

Устав от шума парка аттракционов, они устроились на зеленом газоне. По пути Цзиншань прихватил свежую газету, чтобы постелить на траву, но Носк отобрал у него карандаш и принялся увлеченно разгадывать самый сложный математический кроссворд на последней странице.

Задачи, над которыми обычный человек ломал бы голову часами, осьминог щелкал как орехи.

Цзиншань ласково потрепал его по волосам:

— Будь ты человеком, точно стал бы великим математиком.

Носк поднял на него глаза:

— Мне не нужна математика. Я просто хочу, чтобы у нас был общий дом.

Цзиншань, как раз делавший глоток воды, поперхнулся и закашлялся. Отерев губы салфеткой, он тихо рассмеялся.

— Он у нас уже есть. — Он сжал его ладонь, глядя, как над парком расцветают первые искры вечернего салюта.

Возвращаясь, они миновали величественный готический собор. На ступенях толпился народ: проповедники раздавали бесплатные угощения.

Носк принялся. Уловив доносившийся из толпы аппетитный запах жареного теста, он замер:

— Там что-то вкусное.

Цзиншань присмотрелся и едва не подавился воздухом. Церковники раздавали в качестве «святого причастия» культа Ктулху... такаяки — запеченные шарики с начинкой из осьминога, щедро посыпанные стружкой тунца и политые соусом. Прихожане с благоговением принимали

картонные тарелочки и уплетали угощение за обе щеки.

Ван Цзиншань почувствовал, как дернулся глаз. Он ни за что не признался бы Носку, что это его любимый фастфуд.

— Детям на такое смотреть вредно, — Цзиншань потащил Носка прочь.

— Я не ребенок, — буркнул тот.

— Конечно, конечно.

— Я твой муж, — серьезно поправил Носк.

В небе с оглушительным грохотом разорвался очередной залп фейерверка, рассыпавшись мириадами разноцветных огней. Огромный монстр испуганно вжался в грудь своего человека.

Офицер Ван крепко обнял его, улыбаясь собственным мыслям:

«Да, Носк. Мой единственный спутник до конца дней».

Говорят, три вещи невозможно скрыть: кашель, бедность и любовь.

Цзиншань добавил бы к этому списку еще одну — чудесное избавление от беременности.

Когда он избавился от кладки, его тело мгновенно пришло в норму, а мышцы стали даже рельефнее, чем прежде. Долго прятаться дома он не мог, и когда Адлер с Пэтти наконец увидели его на пороге, у обоих отвисли челюсти.

— Ты что... сделал аборт?! — в один голос выдохнули они.

— С чего вы взяли? — опешил Цзиншань. — Я уже родил.

Адлер нахмурился:

— Цзиншань, такие шутки неуместны.

Пэтти сочувственно оглядела его плоский живот:

— О боже... У тебя случился выкидыш?

Решив, что это самое логичное объяснение, Адлер немного расслабился, но все же строго спросил:

— А твой парень в курсе?

Носк, стоявший за спиной Цзиншаня, робко поднял руку:

— Я присутствовал при родах. Лично все видел.

Адлер вздохнул:

— Ребят, сегодня не первое апреля.

— Мы знаем, — серьезно кивнул Носк.

— Да ладно вам! — воскликнула беременная Пэтти, демонстративно поглаживая свой пятимесячный живот. — У меня только экватор прошел, а ты за пару дней управился? Придумайте ложь поубедительнее!

Цзиншань уставился в потолок. Рассказать правду близким друзьям оказалось невыполнимой миссией. Но плодить бесконечную ложь тоже не хотелось — Адлер и Пэтти заслуживали честности.

Он вспомнил, как однажды в шутку спросил Адлера, что бы тот сделал, окажись его парень осьминогом. Тот тогда посмотрел на него как на сумасшедшего и выдал: «Ну ты и прагматик. Небось решил обеспечить себя бесплатными морепродуктами до конца жизни?»

Время пришло.

Положив руку на плечо Носка, Цзиншань глубоко вдохнул:

— Посмотрите на него внимательно. Он не человек. Он гигантский осьминог. И то, что я родил — это двенадцать маленьких осьминожек.

Друзья переглянулись с выражением искреннего сочувствия на лицах.

— Послушайте, прекратите нести этот бред, — устало попросила Пэтти.

— Я, конечно, знаю, что наш король крутит роман с русалом, — подал голос Адлер. — Но осьминог? Это уже какой-то перебор...

Цзиншань вздохнул и кивнул Носку. Тот послушно прикрыл глаза.

В следующую секунду из-под его одежды вырвались два гигантских багровых щупальца, покрытых влажными присосками.

Адлер побелел как полотно, колени у него подкосились, и он с глухим стуком шмякнулся на пол.

— А-а-а-а-а!!! — Его вопль едва не снес крышу дома.

Пэтти, вопреки ожиданиям, повела себя куда хладнокровнее. Немного придя в себя, она сделала шаг вперед, намереваясь потрогать одно из щупалец. Но стоило ей протянуть руку, как отросток испуганно втянулся обратно, словно рожки потревоженной улитки. Лишь несколько капель прозрачной, прохладной слизи остались на ее коже, вызвав легкое покалывание.

Эта осязаемая, влажная реальность мигом развеяла любые сомнения. Перед ними действительно стоял настоящий, живой глубоководный монстр.

Пэтти заворуженно уставилась в его жуткие бездонные алые глаза:

— Потрясающе!.. — выдохнула она, ее лицо расплылось в восторженной улыбке.

Цзиншань недоуменно моргнул. Ему показалось, что у подруги на почве беременности поехала крыша.

— И где они? — Пэтти схватила его за рукав, ее глаза лихорадочно блестели. — Где мои племянники-осьминожки? Покажи!

Носк послушно указал на аквариум в форме сердца, стоящий у кровати:

— Там.

Пэтти едва не залезла в аквариум с головой. Она заворуженно разглядывала белесую гроздь яиц. Сквозь полупрозрачную оболочку уже отчетливо проглядывали крошечные, пятнистые тельца. Их крошечные щупальца шевелились, а черные глазки-бусинки с любопытством изучали новый, неизведанный мир.

Сердце Пэтти мгновенно растаяло.

— Смотрите! — взвизгнула она. — На меня смотрят целых три малыша!

— Да ладно? — Цзиншань, еще не видевший, чтобы они открывали глаза, поспешно склонился над водой.

Носк тоже вытянул шею. Прямо у них на глазах один особенно шустрый осьминожка принялся изо всех сил упираться щупальцами в стенку яйца, пытаясь разорвать оболочку.

— Рожает! Он рожает! — Пэтти затряслась от волнения, боясь издать лишний звук.

— Погоди, — нахмурился Носк. — Похоже, он застрял головой.

— Ножницы есть?! — панически крикнула Пэтти.

— Держи! — Адлер, пошатываясь, поднялся с пола и протянул маленькие маникюрные ножницы.

Цзиншань дрожащими руками аккуратно подцепил край оболочки и сделал крошечный надрез, боясь задеть малыша.

Почувствовав свободу, крошечный осьминог забавно засучил щупальцами и, покачиваясь, устремился прямо в его раскрытую ладонь. Ощувив родное тепло, он ласково потерся круглой головой о кожу Цзиншаня, издав едва слышный писк:

«Цзи... цзи...»

Эта нежная щекотка волной тепла прокатилась по всему телу Ван Цзиншаня, отзываясь в самом сердце.

— Носк, гляди! — взволнованно прошептал он.

Осьминог замер, уставившись на кроху. С тихим шорохом из-под его одежды снова высыпались багровые щупальца. Он стоял посреди комнаты, абсолютно ошарашенный и бесконечно счастливый.

«Вот оно какое — отцовство».